

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КРЕДИТА В ДРЕВНЕЙ АТТИКЕ

В 1951 и 1952 годах одна за другой вышли две работы — Дж. Файна и М. Финли, посвященные исследованию одного и того же круга памятников древней Аттики, так называемых *horoi*¹. Авторы работали независимо друг от друга, что, естественно, должно было привести к некоторому дублированию. Тем не менее, поскольку подход к исследуемой проблеме оказался различным, обе работы представляют большой интерес и ставят ряд важных проблем социально-экономической истории древней Аттики.

Работа Файна состоит из 8 глав. В 1-й главе (стр. 1—27) даются публикации 33 новых *horoi*, найденных на афинской Агоре в период 1932—1948 гг., и двух ранее неопубликованных из музеев Греции. Надписи дополнены, по возможности датируются, распределены по группам, в зависимости от характера отраженных в них контрактов. Во II главе (стр. 28—40) помещены надписи, ранее опубликованные, но рассеянные по разным изданиям. Надписи, включенные в IG, II и IG, XII, приводятся лишь в ссылках. В последующих главах рассматриваются различные типы *horoi*, их назначение, время распространения, основные формы операций, связанных с залогом недвижимого имущества, их происхождение, содержание, результаты. Детальной и обстоятельной критике подвергаются расходящиеся с общепринятым мнением теории Паоли и Мелстопулоса. При этом тщательно рассматриваются все относящиеся к вопросу

⁴ О наличии еще неизданных рукописей с текстом поучения Птаххотепа сообщает сам автор, и одна из них — части, относящиеся к папирусу Британского музея 10509, — ныне уже опубликована: R. C a m i n o s, *Literary fragments in the hieratic script*, Oxf., 1956, тбл. 28—30.

⁵ Кенбет не всегда является судом — см. I. L o u r i e, *A note on Egyptian law-courts*, JEA, XVII (1931), стр. 62 сл.

¹ J. V. A. F i n e, *Horoi. Studies in mortgage, real security and land tenure in ancient Athens*, American School of a classical studies at Athens, «Hesperia», Supplement IX (1951), стр. I—VI + 208; M. I. F i n l e y, *Studies in land and credit in ancient Athens*, 500—200 B. C. The Horos-Inscriptions, New Brunswick—New-Jersey, 1952, VII—IX + 332 стр.

эпиграфические и литературные источники. Наиболее интересной и в то же время наиболее спорной является глава VIII (стр. 167—208) «Заклад и землевладение», в которой утверждается, что земля в Аттике была неотчуждаема вплоть до конца V в. до н. э. и что в связи с этим поздно появляется и заклад недвижимости. Автор подробно анализирует связанные с отношениями собственности реформы Солона (освобождение «порабощенной» земли и закон о завещаниях).

Автор другой работы Финли пришел к теме *horoí* в связи с изучением кредитно-денежных отношений как составной части деловой жизни греческих государств. Он убедился в необходимости систематизировать гарантийные аспекты кредита, прежде всего связь кредита с землей — основной формой богатства в Греции (стр. VII). Хотя Финли и не отвергает распространенного мнения о наличии единой правовой системы, общей для всех греческих государств, он считает это не более чем рабочей гипотезой и предостерегает против привлечения неафинского материала, кроме как для аналогий.

В то время как Файн уделяет большое внимание детальной текстологической работе над отдельными источниками, Финли, не вдаваясь в детали, на основе того же материала ставит ряд важных проблем правового и экономического характера². Новые надписи, опубликованные Файном, Финли поместил в приложении к своей книге, указав, что работа Файна не поколебала основных его выводов (стр. 182).

Обе работы — и Файна и Финли — представляют собой ценный вклад в изучение социально-экономических отношений в древней Аттике. Они обобщили очень большой эпиграфический и литературный материал, поставили ряд важных проблем и привлекли внимание ко многим трудностям, которые еще стоят на пути исследования экономической жизни древней Греции. Общей чертой обеих работ является отсутствие модернизации, подчеркивание специфики рабовладельческой Греции и предостережение против перенесения современных экономических и правовых категорий в древний мир³.

И Файн и Финли остерегаются делать выводы на основании неясных свидетельств и в некоторых случаях прямо указывают: «*non liquet*»⁴.

Что же представляет собой тот материал, который лег в основу двух рассматриваемых исследований? Это так называемые надписи *horoí*. Слово *horos* в греческом языке многозначно, но только в одном греческом государстве — Афинах оно получило значение камня с надписью о закладе данного имущества (обычно участка земли, или дома, или того и другого вместе). Такие *horoí* обнаружены, кроме Аттики, еще и на некоторых островах Эгейского моря, но лишь там, где были афинские клерухии, или велико было влияние правовой практики Афин (Лемнос, Наксос, Аморгос, Скирос)⁵. Основное назначение этих *horoí* — оповестить об обязательствах, лежащих на соответствующем имуществе. Такое оглашение было в интересах кредитора и третьих лиц, которые могли бы быть вовлечены в какое-либо соглашение, связанное с уже заложенным имуществом⁶. Надписи на *horoí* обычно очень просты: указывается, ка-

² В работе Финли после предисловия и вводной I главы следуют главы: II. Функция *horoí*, III. Ипотека и *prasis epi lysei*, IV. *Arotimema*, V. Собственность, VI. Индивиду, участвующие в сделках, VII. Группы, участвующие в сделках, VIII. Случаи заклада имущества нескольким кредиторам. К работе приложен полный текст всех *horoí*, в том числе и вновь опубликованных Файном. Обстоятельные примечания занимают значительную часть работы.

³ *Finley*, ук. соч., стр. 9, 81 слл., 220—201 (прим 28 к стр. 8).

⁴ *Finley*, ук. соч., стр. 68, 84; ср. *Finley*, ук. соч., прим. 22 к IV главе (стр. 237): *I am frankly unable to understand the passage (sc. —Is., II, 9).*

⁵ Из 214 таких *horoí*, рассмотренных в работе Файна, 192 из Аттики и только 22 — с островов (стр. 42).

⁶ *Lexeis rhetorikai, Anecdota Bekker*, I, 285, 13—19: *ἔστι δὲ ὁ ὄρος καὶ σανίδιον τὸ ἐπιτιθέμενον ταῖς οἰκίαις καὶ τοῖς χωρίοις... καὶ ἐπιγέγραπται αὐτοῖς αὐτὸ τοῦτο ὅτι πρὸς δάνειον κατέχεται τοδὲ τὸ χωρίον, ἢ δὲ ἡ οἰκία, ἕνεκα τοῦ μὴ δένα συμβάλλειν τοῖς προκατεσχήμενοις.*

кое имущество заложено ($\sigma\omicron\varsigma \chi\omega\rho\iota\omicron\upsilon$ или $\sigma\iota\chi\iota\alpha\varsigma$), какова сумма обязательства и каков характер сделки. Сделки, обозначенные в *horoí*, могут быть разделены на три основные группы: *hypotheke*, *prasis epi lysei*, *apotimema* (последняя в свою очередь делится на *apotimema proikos* и *apotimema* $\mu\iota\sigma\theta\omega\sigma\iota\varsigma \omicron\iota\chi\omicron\upsilon$)⁷. Во всех случаях земля или дом гарантируют выполнение определенного денежного обязательства.

Horoí являются документом сферы частного права. Установление *horoí*, по всей вероятности, не требовалось законом, за исключением, может быть, случаев гарантии сиротского имущества ($\mu\iota\sigma\theta\omega\sigma\iota\varsigma \omicron\iota\chi\omicron\upsilon$). *Horoí* не были официальными свидетельствами заклада. В случае возникновения судебного конфликта между кредитором и должником наличие или отсутствие *horoí* не являлось решающим аргументом в пользу одной из сторон. Суд решал на основании письменного соглашения о сделке и показаний свидетелей (Файн, стр. 51 сл.; Финли, стр. 15 сл.). Тем не менее, *horoí* упоминаются и в судебных речах афинских ораторов IV в. в качестве свидетельства о задолженности владельца земли или дома⁸.

Отсутствие в Аттике классического периода официального учета земельных владений (кадастра) создавало заинтересованность и государства (фиск, военная служба, политические и административные цели) и отдельных граждан (политические права, налоги) в гласности всякого рода перемещений земельной собственности⁹. Отсюда — большое значение *horoí* в жизни Афин. По-видимому, в других государствах Греции существовала своя система оповещения о закладе дома или земли¹⁰.

Все дошедшие до нас *horoí* исследователи относят к периоду IV—III вв. до н. э. Датировка *horoí* чрезвычайно затруднена, так как лишь немногие из них (21 из Аттики) имеют имя архонта. Иногда *horoí* удается датировать по упоминаемым в них известным лицам. Большая часть *horoí* не имеет других данных для датировки, кроме формы букв. Но это плохой критерий, особенно, если учесть, что надписи делали непрофессионалы. Как бы то ни было, те *horoí*, которые удалось определенно датировать, относятся к периоду 400—250 гг. до н. э.

Как известно, первое упоминание о *horoí*, свидетельствующих о закладе земли в Аттике, относится еще ко времени Солопа (Arist., Ath. Pol., 12, 4). Ни один из этих *horoí* до нас не дошел. Файн высказал предположение, что или эти камни, ненавидистые демосу, были намеренно уничтожены, или на них вообще не было надписей, так как тогда кредитор по желанию получал или самого должника, или его землю (стр. 56 слл., 167 и 184—185). После сисахфии в течение всего VI и V вв. нет упоминаний о такого рода *horoí*. В конце V или в начале IV в. появляются *horoí* со свидетельствами о сделках *prasis epi lysei*¹¹. Во II в. до н. э. *horoí* снова исчезают и, вероятно, появляется новая система официальной записи закладов (см. Финли, стр. 27; Файн, стр. 54—55). Большинство датированных аттических *horoí* (а датирована лишь небольшая часть) относится к IV в. до н. э.

Сфера *horoí* — это прежде всего сфера кредитно-земельных и денежных отношений. Они позволяют судить о развитии и характере кредитных операций, связанных

⁷ Наибольшее количество известных сейчас *horoí* свидетельствуют о сделке *prasis epi lysei*, на втором месте — *apotimema*, меньше всего — ипотека (Finley, у к. соч., стр. 29 и стр. 224 (прим. 9 к III главе).

⁸ [Dem.], XLII (против Фениппа), 5; Dem., XLI (против Слудия), 6, 16; [Dem.], XXV (против Аристогигона), I, 69.

⁹ Finley, у к. соч., стр. 13 слл.; Fine, у к. соч., стр. 52 со ссылкой на Theophrastus, *Peri vumwv* (fgm. у Stob., IV, ed. O. Hensli. B., 1909).

¹⁰ Лексикографы (Harpocr. и Suid.) ясно говорят, что *horoí* — явление афинское. Они встречаются в областях афинского влияния, но не везде (их нет на Эвбее, Делосе, Самосе, в Приене).

¹¹ Fine, у к. соч., стр. 185; Finley, у к. соч., стр. 29, отмечают, что иногда *horoí* использовался и для иных целей. Так, например, в Аттике найдены два *horoí*, поставленных фратрией Эйкадейс, с надписью: «Никто не вправе сделать заем под залог этой земли».

с обеспечением в недвижимом имуществе. Ногоі дают некоторый материал для суждения о размерах состояний, о распределении богатств, об арендных отношениях, семейном праве (в связи с приданым). Краткие тексты ногоі касаются самых различных аспектов социально-экономических отношений Аттики. И в то же время в ряде случаев их толкование представляет большие трудности. Изучение этих надписей началось давно, но они привлекались обычно мимоходом, в дополнение к литературным свидетельствам¹². Файн и Финли сделали первую попытку рассмотреть ногоі всесторонне, группируя их по типам сделок, и на основании этих памятников сделать выводы об имущественных отношениях в древней Аттике.

Ногоі свидетельствуют о развитии закладных операций с недвижимостью в Аттике IV и III вв. до н. э. Наиболее распространенным типом такого рода сделок была *prasis epi lysei* — условная продажа с правом выкупа, вернее, освобождения (от обязательства)¹³. Из 192 известных нам аттических ногоі 115 свидетельствуют о сделках *prasis epi lysei*. Это была, по-видимому, самая ранняя форма обеспечения недвижимости долгов и самая распространенная в Аттике IV в. до н. э.¹⁴ При этом получатель займа продавал заимодавцу с правом обратного выкупа какое-то имущество, обычно недвижимое, стоимостью не меньшей, чем обязательство. Кредитор, давая ссуду, становился собственником даваемого ему в гарантию имущества. Но эта собственность его на время соглашения была условной, неполной, так как по уплате в срок долга право собственности на условно «проданное» имущество возвращалось прежнему владельцу — должнику. В случае неуплаты долга по истечении срока кредитор становился абсолютным собственником этого имущества.

Сделка *prasis epi lysei* вызывает ряд вопросов. Прежде всего, в чьих руках — должника или кредитора — находилось имущество до истечения срока сделки, то есть, кто владел им? Обязан ли был кредитор в случае несостоятельности должника возвращать ему излишки стоимости залога над суммой долга, если таковые были? Имел ли право должник, если стоимость проданного им условно имущества превышала сумму долга, заключить новую сделку на этот излишек (*ὄσφ κλεινοῦς ἀξίον*)? Файн подробно останавливается на этих вопросах. Он полагает, что вначале кредитор брал «проданное» ему имущество во владение (стр. 156). В этом случае он вместо процента получал *usufruct* (доходы с владения), что иногда было выгоднее¹⁵. Движимое имущество без-

¹² Первое исследование о ногоі появилось еще в 1867 г. (A. Stölzel, «Zeitschrift für Rechtsgeschichte», VI, стр. 96—108), но тогда было известно только около 10 ногоі. Значительно больший материал рассмотрен в работах E. Ziebarth, «Sitzber. Berl. Akad.», 1897, стр. 664—675 и 1893, стр. 776—784; H. T. Wade-Gery, «Mélanges Gustave Glotz», II, 1932, стр. 879—882.

¹³ Finley, ук. соч., стр. 35: «Prasis epi lysei — неполная продажа и не продажа с правом выкупа, а означает буквально продажу с правом освобождения. Это не фиктивная продажа, а скорее обеспечение в форме условной продажи». Ср. стр. 231 (прим. 45 к III главе): Prasis epi lysei подлежит законам о гарантийных сделках, а не о продаже. Ср. W. Wuse, Isaios, Cambr., 1904, стр. 431 (прим. к Исею, V, 21): «Хотя по форме эта сделка была продажей, но с точки зрения намерений сторон это был заем под реальное обеспечение, в описании которого иногда использовались термины, приемлемые только для ипотеки».

¹⁴ Fine, ук. соч., стр. 142 и Finley, ук. соч., стр. 31 указывают, что в источниках сочетание *prasis epi lysei* не встречается. Для должника это *prasis*, для кредитора *λύσις*. В надписях ногоі обычна формула: *ὄρος χωρίου τετραμένου ἐπὶ λύσει...* Finley, ук. соч., стр. 224, прим. 11 к III главе: лексикографы потому не объясняют этого выражения, что его нет в классической литературе, а вне сочетания все слова ясны.

¹⁵ Обычный процент при сделках *prasis epi lysei* 10—12% (например, Dem., C. Pan., XXXVII, 5, ср. 29; Syll.³, 1200). Пример, когда кредитор вступает во владение: Dem., *ibid.*, 10. Finley (ук. соч., стр. 37) сомневается в том, что в такого рода сделках проценты были всегда обязательны.

условно всегда переходило к кредитору, ибо с ним должник легко мог ускользнуть. Постепенно, с развитием заклада недвижимости, имущество начало оставаться у должника, который платил кредитору проценты. Любопытно, что проценты при этом исчислялись не из стоимости имущества, а из суммы долга. В представлении афинян *prasis epi lysei* не продажа, а заем под обеспечение¹⁶.

В конце 40-х годов XX в. против традиционного представления о характере *prasis epi lysei* выступил греческий ученый Мелетопулос¹⁷. Он полагает, что это не первичный, а вторичный контракт (*συνθасισ παρεπομένη*) с единственной целью обеспечить предыдущий контракт о займе. Собственность на имущество не переходит к покупателю (кредитору), а остается у должника, который имеет право использовать излишек стоимости имущества сверх суммы долга (*τὰ ὑπερέχοντα*) для гарантии других займов. Кредитор на время контракта владеет закладом, но может, при желании, оставить его должнику за определенную ренту. Файн, возражая Мелетопулосу (стр. 133, 144 сл.), отстаивает традиционное мнение о *prasis epi lysei*, а именно, что собственником становился кредитор (контракт, не связанный с передачей собственности, не мог называться *prasis*), и указывает, что в описании Мелетопулоса эта сделка совпадает с ипотекой (почему же два различных наименования для одной и той же сделки?). Должник оставался во владении имуществом уже в качестве его арендатора, и *horoi* должны были предупредить третьих лиц против предоставления ему новых ссуд под ту же гарантию. Сам характер сделки (переход права собственности к кредитору) не допускал второго заклада имущества, разве только сам кредитор давал дополнительную ссуду должнику, если имущество стоило дороже¹⁸. Собственность кредитора на условно проданное ему имущество была все же неполной, он мог продать его скорее всего только при согласии должника, или если это оговорено в соглашении¹⁹.

В надписях, свидетельствующих о *prasis epi lysei*, обычно не указывается срок соглашения, и нам неизвестна длительность этих контрактов. Но в договоре срок, по-видимому, указывался, так как при неуплате вовремя долга кредитор становился безусловным собственником. При этом он не был вправе взыскать разницу, если стоимость имущества не покрывала суммы долга (*το ἔλλειπον*), и в то же время не должен был возвращать должнику излишки (*τὰ ὑπερέχοντα*). Так как гарантия могла быть дороже долга, должник всячески стремился выкупить (в срок)²⁰.

Иногда сделка *prasis epi lysei* упоминается и в связи с гарантиями другого типа (имущество сироты, приданое — например, IG, II², 2658 и 2681), что свидетельствует о распространении этой формы обеспечения обязательств. Вне Афин и связанных с ними островов (Аморгос, Лемнос) сделки типа *prasis epi lysei* встречаются редко и в более поздний период (см. «R. de Phil.», 47 (1924), стр. 97 сл.; AJA, XVI (1912), стр. 11 сл.).

Гарантийные сделки с недвижимостью типа *prasis epi lysei* были неудобны и обременительны для должника. Поскольку формально право собственности переходило

¹⁶ F i n e, ук. соч., стр. 156; ср. F i n l e y, ук. соч., стр. 37: Каков бы ни был юридический аспект *prasis epi lysei*, надо подчеркнуть, что экономически это была обычно вовсе не сделка о продаже. В современной...условной продаже должником является покупатель, а кредитором — продавец. В греческой *prasis epi lysei* наоборот: «продавец» — должник, «покупатель» — кредитор.

¹⁷ «Πολέμων», IV (1949), стр. 41—72 (изложение — F i n e, ук. соч., стр. 143 сл.). Эта статья была недоступна Финли.

¹⁸ Напр., D e m., XXXVII, 15; IG, II², 2693; F i n e, ук. соч., стр. 155.

¹⁹ F i n e, ук. соч., стр. 158. Сомнительно, чтобы кредитор мог продать имущество без согласия должника или во всяком случае без его ведома. На *horos'e* IG, II², 2689 — имя первого кредитора стерто и написано другое имя.

²⁰ F i n e, ук. соч., стр. 159—160. Возможность досрочного выкупа должна была оговариваться в договоре. Бессрочные сделки могли быть в том случае, если должник оставался во владении. Тогда для кредитора это скорее длительное капиталовложение, чем долгосрочный заем, нечто вроде длительной аренды.

к кредитору, это связывало руки должнику, даже если он оставался во владении. Такая форма обеспечения долга связана, по-видимому, с затруднениями в свободном отчуждении земельной собственности, которые в живой деловой практике как-то надо было обходить. Постепенно громоздкая форма *prasis epi lysei* вытесняется более удобной формой гарантийных сделок — ипотекой (*ὑποθήκη*).

Ипотека, по мнению Файна, появляется позднее, чем *prasis epi lysei*, и некоторое время сосуществует с ней. *Nogoi*, свидетельствующие об ипотеке, малочисленны. По-видимому, эта форма гарантийных сделок внедрялась медленно. Основное отличие ее от *prasis epi lysei* в том, что при ипотеке кредитор получает право владения, в то время как право собственности остается у должника (при *prasis epi lysei* переходит право собственности). Должник, как правило, сохраняет имущество во владении на время действия соглашения. Он может занять еще под то же имущество, если оно стоит дороже (*ὅσφ πλείονος ἀξίον*), возможно, с согласия первого кредитора²¹. В случае, если должник при неуплате долга в срок терял в пользу кредитора заложенное имущество, ему, вероятно, возвращались излишки его стоимости в сравнении с суммой долга (*τὰ ὑπερέχοντα*).

До недавнего времени общепринятым было мнение, что при ипотеке владельцем заложенного имущества оставался должник. Против этого мнения выступил итальянский ученый Паоли²², полемике с которым уделено большое место в работе Файна (стр. 63 слл.). Паоли утверждает, что кредитор лишь тогда был защищен против притязаний других кредиторов и имел реальную гарантию, когда он держал в своих руках заложенное имущество. Это происходило или незадолго до истечения срока соглашения, или с самого его начала. Далее Паоли возражает и против существования определенного срока гражданской ипотеки в Аттике, полагая, что и после истечения ее срока кредитор не получал права собственности на заклад, а должник мог в любое время выкупить его. Контракт, таким образом, не прекращал своего действия и постоянно сохранял свою силу.

Файн, подвергая детальному анализу все приводимые Паоли античные свидетельства, убедительно показывает несостоятельность его утверждений и правомерность традиционного взгляда на аттическую ипотеку, которая, как правило²³, оставляла должника во владении заложенным имуществом и действие которой ограничивалось определенным сроком²⁴. В то же время Файн отметил заслугу Паоли, который показал, как неясны источники относительно захвата кредитором имущества несостоятельного должника. *Nurotheke*, судя по известным *nogoi*, была менее распро-

²¹ F i n e, ук. соч., стр. 93 сл. При наличии нескольких кредиторов их компенсировали в порядке приоритета продажей имущества. F i n l e y (ук. соч., стр. 113), однако, полагает, что ипотека в Афинах исходит из тенденции замещения (*substitution*) и потому, как правило, исключает использование заложенного имущества для гарантии второго или третьего долга.

²² U. E. P a o l i, Studi di Diritto Attico, «Publicazioni della R. Università degli studi di Firenze, Fac. di Lettere e di Filosofia», N. S., IX (1930); он же, La «Datio in solutum» nel Diritto Attico, «Studi Italiani di Fil. cl.», N. S., X (1933), стр. 181—212; он же, Sul Diritto Pignoratizio Attico, «Archivio Giuridico», IV Ser., LXXIV (1932), стр. 161—178.

²³ F i n e, ук. соч., стр. 70 сл., 95: от согласия сторон зависело, кто — кредитор или должник — владел закладом. Если — кредитор, то он вместо процентов получал *usufruct* и ипотека превращалась в *antichresis*. Весь материал об *antichresis* относится к эллинистическому и римскому периодам; в Греции не была распространена практика давать кредитору право пользоваться имуществом вместо процентов, за исключением, может быть, рабов (F i n l e y, ук. соч., прим. 12 к II главе).

²⁴ F i n e, ук. соч., стр. 72 слл., 82 слл.; ср. F i n l e y, ук. соч., стр. 10 слл., 35 слл. и его возражения Паоли, стр. 238, прим. 23 к IV главе и стр. 295, прим. 12 к VIII главе.

странена, чем *prasis epi lysei*. Не всегда можно различить эти формы гарантийных обязательств.

Вряд ли случайной является скудость сведений о захвате кредитором заложенного ему недвижимого имущества, контрастирующая с многочисленными свидетельствами о захвате движимого имущества должника. Это связано, по-видимому, с тем, что отчуждение земельной собственности, несмотря на отсутствие формальных законодательных запретов, ограничивалось семейными и родовыми традициями, отчетливо выступающими в наследственном праве Афин вплоть до IV в. до н. э. Вряд ли можно предположить, чтобы наследственный земельный участок легко и беспрепятственно переходил к кредитору, представителю иного рода и другой семьи. И в то же время сравнительно широкое распространение в IV в. до н. э. залковых операций с землей свидетельствует, что такая возможность существовала и что семейно-родовые узы, ограничивавшие свободное распоряжение землей, все более ослабевали²⁵.

Как уже было сказано, кроме *hypotheke* и *prasis epi lysei*, недвижимое имущество являлось гарантией возврата приданого в случае необходимости (развод, смерть жены), уплаты процента и возвращения в срок арендованного сиротского имущества. В обоих случаях гарантия была связана не с задолженностью, а лишь с выполнением определенных обязательств. Общим было и то, что гарантийное имущество подлежало обязательной оценке (отсюда и наименование *apotimema*)²⁶.

Однако было и отличие. Гарантия приданого (*apotimema proikos*) носила условный характер, так как муж обязан был вернуть его лишь при расторжении брака. *Nogoi*, свидетельствующие об *apotimema proikos*, относятся к сравнительно большим суммам приданого, характерным для богатых афинян²⁷. Небольшое приданое, вероятно, не гарантировалось специально, так как у жениха могло и не быть соответствующего имущества.

Что касается гарантии сиротского имущества при его аренде (*μισθωσις οἴκου*), то здесь обязательство было безусловным и находилось под контролем афинского государства в лице архонта. Сиротское имущество по желанию опекуна могло сдаваться в аренду. При этом архонт посылал специальных людей (*apotimetai*) для оценки предлагаемого арендатором в гарантию имущества²⁸. Естественно думать, что, как и в других гарантийных сделках, в случае невыполнения обязательства (в данном случае арендатором), его имущество должно было перейти к сироте. Однако из II речи Исея (о наследстве Менекла) видно, что Менекл, арендовавший сиротское имущество, когда оказался не в состоянии вовремя уплатить следуемую с него сумму, вынужден был продать свой участок земли и на вырученные деньги расплатился. Неизвестно, являлся ли этот участок гарантией аренды и каковы были условия договора. Во всяком случае, поскольку на страже интересов сирот стояло государство, нарушения обязательств со стороны арендатора влекли за собой тяжкие для него последствия, и вряд ли могли часто иметь место, тем более, что за деятельностью арендатора следил постоянно опекун, сдававший отчет подопечному по достижении им совершеннолетия.

²⁵ F i n e, ук соч., стр. 84 слл., приводит ряд свидетельств о захвате кредитором имущества несостоятельного должника, включая и движимое и недвижимое имущество, и заключает, что в IV в. это могло осуществляться и без суда. Ср. F i n l e y, (ук. соч., стр. 28) о господстве в греческих гарантийных сделках принципа *self-help*.

²⁶ F i n l e y, ук. соч., стр. 45—46, обращает внимание на экономическое отличие гарантийных сделок с *apotimema* от других. В случае *prasis epi lysei* и *hypotheke* отношение: имущество — деньги; дается гарантия, кредитор хочет определить ее стоимость. При *apotimema* отношение другое: деньги — имущество (ищут эквивалент к определенной сумме приданого или к сиротскому имуществу определенной стоимости).

²⁷ Например, *horoi* № 8—10 у Ф а й н а (ук. соч., гл. II, стр. 30, 31) = «Hesperia», Suppl. VII (1934), стр. 1—2; *AJPh*, LXIX (1948), стр. 202—203; «Hesperia», XIX (1950), стр. 23—24. Суммы соответственно: 1000, 5200, 3000 драхм.

²⁸ H a r p o c r., s. v. *αποτιμηταί*.

Финли (стр. 46—47) обращает внимание на то, что при наличии *apótimema* разрешался вопрос о том, какая часть имущества может компенсировать долг. По его мнению, центральный вопрос в связи с гарантиями во всех системах права — вправе ли кредитор при несостоятельности должника захватить все гарантирующее долг имущество, не зависимо от того, больше или меньше суммы долга его стоимость, — в сделках с *apótimema* не возникал. Гарантии и приданого и арендованного сиротского имущества ведут нас в мир состоятельных афинских граждан. Беднота, естественно, не фигурирует в соглашениях такого рода. После того как оценка гарантийного имущества произведена, *apótimema* превращается в обычную ипотеку. Как и в других гарантийных сделках с недвижимостью, должник или несший обязательство оставался во владении залога. *Apótimema* встречается и в сделках вне сферы семейного имущества. Так, например, при сдаче в аренду земель, принадлежавших демам, иногда от арендаторов требовали гарантии — *apótimema* (например, IG, II², 2498, стк. 3—6; 1472, стк. 20—22; Финли, *hogos* № 32).

Файн, подробно рассмотрев различные типы гарантийных сделок (главы III—VII), излагает в заключительной VIII главе возникшее у него в связи с изучением *hogoi* представление об эволюции земельных отношений в древней Аттике. Он полагает, что земля в Аттике была фактически неотчуждаема вплоть до Пелопоннесской войны, хотя допускает, что законодательные запреты в V в. не было. Переход к свободному отчуждению земли произошел не в результате какого-либо определенного акта, отменявшего прежние запреты. Это случилось незаметно, прецедент за прецедентом, в смутные годы Пелопоннесской войны. Файн исходит из того, что в источниках V в. (до 431 г.) нет упоминаний о займах под недвижимое имущество, все известные тогда гарантийные сделки говорят о движимом имуществе. Лишь в последней четверти V в. появляются упоминания о залоге недвижимости. А *hogoi* известны лишь с IV в. до н. э. Отсутствие свидетельств о залоге недвижимости, по мнению Файна, говорит о неотчуждаемости земли (стр. 167, 177, 196 слл., 206 сл., 201 сл.) в Аттике. Файн понимает, что его утверждение расходится с общепринятым мнением, и очень осторожно в выводах, но предостерегает от предвзятых, не основанных на источниках суждений. Далее, по мнению Файна, между земельными отношениями в Аттике и Спарте не было существенных различий (неотчуждаемость клеров), и на теории Платона влияла не только Спарта, но и практика Афин, где от неотчуждаемости земли отказались лишь в дни его детства (стр. 266 слл.).

Естественно, что, говоря о системе землевладения в Аттике, Файн обращается к вопросу о Солоне. Он полагает, что до Солона заем под залог личности был единственной формой гарантийной сделки, что земля была неотчуждаема, но кредитору было выгоднее получать землю, чем должника (стр. 179—180). Файн замечает при этом, что никто не стал бы закладывать себя и попадать в рабство, если бы мог вместо этого закладывать землю. Файн не учитывает, что личная кабала могла явиться результатом не первичной, а вторичной сделки (земля уже заложена). В то же время он справедливо обращает внимание, что еще и в IV в. строго регулируется наследственное право и право завещаний с целью сохранения имущества в руках семьи или рода и видит здесь пережиток досолоновской неотчуждаемости земли. *Hogoi*, снятые Солоном с «порабощенной» земли (Arist., *Ath. Pol.*, 12, 4), Файн вслед за Вудхаузом²⁹ считает свидетельствами залога неотчуждаемой земли. Займы, особо необходимые аттическим крестьянам в период перехода к культурам оливы и винограда и развития денежного хозяйства, брались под залог личности. Должник готов на все, лишь бы избежать рабства, а кредитору нужнее земля, чем раб. Выход — фикция, напоминающая более поздние сделки (*prasis epi lysei*)³⁰. Должник оставался на земле, платя арендную

²⁹ W. J. Woodhouse, *Solon the Liberator*, 1938, стр. 75 слл.; ср. N. Lewis, *AJP*, LXII (1941), стр. 144—156.

³⁰ Файн (ук. соч., стр. 183 сл.) указывает на отличие этих сделок от сделок IV в. В IV в. — это по форме продажа с передачей права собственности кредитору.

плату кредитору. Право выкупа не ограничено сроком, запрет отчуждения при этом не нарушался. Кредитор, не получая полного права на землю, тем не менее извлекал доходы из обширных владений. При неуплате арендной платы должнику грозило порабощение, но кредитору это было невыгодно, так как земля в этом случае должна была вернуться к ближайшему родичу должника. Файн выдвигает это в качестве гипотезы (стр. 181 сл.), не скрывая и слабых ее сторон. Так, пытается объяснить, кто же эти люди, проданные в рабство за пределы Аттики, Файн относит эту продажу к периоду до конца VII в. до н. э., когда появляется фикция с *prasis epi Iusei*. Он не ставит вопроса, кому поступала земля проданных в рабство. Утверждение Аристотеля ἡ δὲ πᾶσα γῆ δι' ὃ λίγων ἦν он считает преувеличением, что, по-видимому, верно³¹.

Далее Файн (стр. 185 сл.) останавливается на законе Солона о завещаниях, с которым обычно связывают отмену неотчуждаемости земли. Здесь он полемизирует с Вудхаузом и Льюисом, которые говорят о превращении земли в полную собственность с этого времени и о неограниченном переходе из рук в руки фамильного поместья, что, по их мнению, привело к его дроблению и спасло Аттику в дальнейшем от чудовищного зла — латифундий.

Файн в толковании закона о завещаниях присоединяется к Жерне³². Он не согласен с обычным пониманием слов *καὶ τὰ χρῆματα κτήματα τῶν ἔχοντων ἐποίησεν* (Plut., Solo, 21, 2) и указывает, что *κτήματα* не означает землю в частной собственности, отчуждаемую по желанию. Даже в IV в. право завещать воспринималось как право усыновления (Is., VI, 10; VII, 1—4), причем предпочтительнее *inter vivos*, чем *per testamentum*. Закон о завещании имел прежде всего целью поощрять угасанию семьи, затем удерживать имущество в семье завещателя. Усыновленный не имел права завещать имущество своего приемного отца. Он не собственник полученного им по завещанию имущества. В случае его смерти бездетным имущество переходило родичам усыновившего. И законы об эпиклере говорят о том же — мужем эпиклеры становился или ближайший родственник или усыновленный ее отцом при жизни или по завещанию. Завещание без усыновления появилось лишь в конце IV в. или еще позднее. Нововведением Солона было то, что ранее усыновление было возможно лишь с согласия родителей, а Солон дал усыновителю право свободного выбора. Но закон о завещаниях не разрешал отчуждения земли вне семьи³³.

Файн внимательно рассматривает те немногие прямые свидетельства, которые говорят о покупке или закладе земли в VI—V вв. до н. э., и показывает, что они не могут служить убедительным доказательством наличия этих операций, так как двусмысленны и сомнительны. Лишь в конце V века появляются бесспорные свидетельства об отчуждении земли (Isocr., XXI, 2; Lys., XXXII, 15, 23; IG, I², 325—333). С началом Пелопоннесской войны все способствовало уменьшению значения земельной собственности и более свободному ее отчуждению. Кроме затянувшейся войны, связанных с нею бедствий для сельского населения и эпидемии чумы, Файн (стр. 202 сл.) говорит о трех дополнительных факторах: продажа конфискованных земель, дарование права *ἐγκτήσις* и предоставление гражданских прав. Конфискации, участвовавшие в период войны (гермокопиды, олигархи 411 года, стратеги после Аргинуз, 30 тиранов), были связаны с открытой продажей конфискованного имущества, в том числе земли и домов. Это способствовало более свободному обращению и с частными землями.

а фактически — форма реального обеспечения. В VII в. в этой сделке нет элемента гарантии, это легальная фикция в обход неотчуждаемости земли.

³¹ О земельных отношениях в Аттике до Солона и сущности его реформ см. К. М. К о б о в а, Революция Солона, УЗЛГУ, № 39 (1939), стр. 25—72; С. Я. Л у р ь е, К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI в., там же, стр. 73—88.

³² L. G e r n e t, La création du testament, REG, XXXIII (1920), стр. 123—168 и 249—290.

³³ F i n e, ук. соч., стр. 190; ср. К. F r e e m a n, The work and life of Solo, Cardiff, 1926, стр. 115—116.

Право приобретения недвижимого имущества, даруемое иноземцам и метекам, также распатывало запреты отчуждения земли. Характерно, что в V в. до н. э. случаи дарования этого права очень редки, и первое бесспорное свидетельство относится к 424/3 г. (IG, I², 70, стк. 11—12). Право *ἐκκλησις* не обязательно связано с покупкой земельного участка, так как иногда государство само даровало землю вместе с этой привилегией. Файн полагает (стр. 205), что дарование *ἐκκλησις* в конце V в. сопровождалось предоставлением земли и, таким образом, не было прямо связано с отчуждаемостью ее. Но так как дарственные земли не входили в фамильное имущество, а легко могли отчуждаться, это распатывало старые устои. Так же действовало предоставление гражданских прав, которое неминуемо влекло за собой право на приобретение земли и домов.

Бесспорной заслугой Файна является детальный анализ всех свидетельств об отчуждении земли в VI—V вв., показ недостаточности и неясности этих свидетельств и предостережение против необдуманных, основанных на предвзятых посылках суждений. Файн показал слабые стороны аргументации тех, кто постулирует свободное и беспрепятственное отчуждение земли в Аттике сразу после Солона. Он правильно выступает и против переоценки значения закона о завещаниях, показав его ограниченный характер³⁴. Прав Файн и в том, что земля и в VI и в V в. рассматривалась прежде всего как достояние семьи и рода, и вряд ли широко практиковалось ее отчуждение. Это, впрочем, сохраняется и в IV в. до н. э., что особенно наглядно выступает в речах Исея.

После работы Файна надо гораздо с большей осторожностью, чем прежде, говорить о сделках с землей в Аттике до Пелопоннесской войны. И тем не менее, с его утверждением о полной неотчуждаемости земли в Аттике до 431 г. согласиться невозможно. Случаи конфискации и продажи имущества изгнанников известны еще в VI в. до н. э.³⁵ В V в. они учащаются³⁶. Это имущество, включавшее и землю, выходило из сферы семейно-родовой собственности. Указанные явления способствовали свободному отчуждению земли, тем более, что формального запрета, насколько нам известно, в Аттике не было. Сравнительная редкость сделок с землей в Аттике VI и V вв. до Пелопоннесской войны связана не столько с ее неотчуждаемостью (ибо все ограничения относительно семейного достояния в полной мере действовали и в IV в.), сколько с особенностями экономического развития Афин того времени. Это был период неуклонного роста афинского могущества, внешнеполитического влияния Афин, развития морской торговли, ремесла, производившего на вывоз. В первой половине V в. до н. э. пагубные последствия развития товарно-денежных отношений для массы земледельческого населения смягчались большими поступлениями в афинскую казну от союзников и торговых пошлин. Многочисленные глериухии освобождали Афины от скопления безземельных. В условиях устойчивой экономической и политической обстановки сохранялась известная спаянность граждан полиса как коллектива землевладельцев и потенциальных рабовладельцев. Государство обеспечивало и из собственных фондов и с помощью литургий свободную бедноту работой, пособиями. В этих условиях основное достояние — земля — сохранялось в прочном владении семьи или рода. Любопытно, что в наследственных речах Исея, где зачастую дается генеалогия в нескольких поколениях параллельно с перечислением переходившего по наследству имущества, постоянно говорится о последовательном разделе имущества между сыновьями;

³⁴ К доводам Файна можно еще присоединить многочисленные оговорки в законе Солона, создававшие удобный повод для претензий родственников на завещанное имущество еще и в IV в. до н. э.

³⁵ Н е г., VI, 121, 2 — продажа конфискованного имущества Писистрата, купленного Каллием.

³⁶ P l u t., Them., 25, 3. Трудно согласиться с Файном (стр. 203), что Плутарх имеет в виду продажу лишь движимого имущества Фемистокла. Слишком велика вырученная при этом сумма (80—100 талантов), тем более, что Фемистокл много успел вывезти с собой. О конфискации имущества см. A n d o c., I, 95 слл.; IG, I², 325—333.

но очень редко о продаже его кем-либо из наследников. Займы в это время гарантировались движимым имуществом или поручительством третьего лица.

Во время Пелопоннесской войны и особенно после ее окончания картина резко меняется. Заклад земли и продажа ее участились, как убедительно показывают и литературные свидетельства и закладные документы того времени. Файн прав в том, что экономическая жизнь Аттики в IV—III вв. характеризуется новыми чертами в сравнении с VI—V вв., но он, на наш взгляд, преувеличивает, говоря о полной неотчуждаемости земли в Аттике VI—V вв. до н. э. и о тождестве афинских земельных отношений этого периода со спартанскими.

Надписи того времени позволили поставить и ряд частных, но немаловажных вопросов, которым большое внимание уделено в работе Финли (гл. V, стр. 53 сл.). Так, суммы, указанные в документах, сравнительно невелики, но так как в документах отмечалась сумма долга, а не стоимость заложенного имущества, выводы о размерах земельных владений на основании этих источников делать рискованно. Интересно наблюдение Финли, что если заложен незастроенный участок в городе, он обозначается словом *χωρὶς*, если же участок с домом, то достаточно слова *οἰκία*. Земельный участок в городе сам по себе имел незначительную цену (стр. 61).

Любопытен и сам характер займов, связанных с закладом земли. Анализ сохранившихся документов показывает, что землю закладывали не бедняки, остро нуждавшиеся в деньгах, и не предприниматели с целью изыскания средств для производительного их использования. Обычные поводы для этих займов — литургии, уплата налогов или другие непроизводительные траты³⁷. Непроизводительный характер займов, связанных с гарантией в недвижимости, особо примечателен, если учесть, что афинские метеки, игравшие большую роль в производственной жизни Афин, не могли участвовать в гарантийных займах, так как не имели права владеть недвижимостью. Таким образом, земля оказывается вне значительной сферы деловой практики Афин. Зато, находясь в распоряжении полноправного гражданина, она играла огромную роль в политической и социальной жизни. В то же время политическая значимость гражданина отнюдь не определялась, по крайней мере во второй половине V в., а особенно в IV в. до н. э., размерами его земельных владений. Как правило, земельные владения были невелики даже у богатых граждан (Финли, стр. 58 сл.). В IV в. до н. э. происходит известная концентрация земельной собственности, но индивидуальные участки заметно не увеличиваются ни в средних размерах, ни в максимальной стоимости. Концентрация земли происходит путем скупки богатыми гражданами разрозненных земельных участков, расположенных в различных демах. Численность населения в IV в. была меньше, чем в V в., что создавало благоприятные условия для некоторой концентрации земельной собственности. Однако размеры этой концентрации, по мнению Финли, не следует переоценивать. Количество бедняков возросло, но это не сопровождалось значительным ростом богатства на другом полюсе. Надписи IV—III вв., в отличие от документов до Солона, не говорят о разорении мелких землевладельцев, вынужденных отдавать свои участки за долги (стр. 274, прим. 72 к VI главе, стр. 87). В конце V и особенно в IV в. до н. э. наблюдается тяга в город. Но это не означало экономического ухода от земли. Позднее по времени свидетельство Дионисия Галикарнасского (*De orat. Lys., Argumentum ad or., XXXIV*) говорит о наличии в 403 г. до н. э. 5000 безземельных граждан в Аттике, что составляет, по расчетам Гомма, 20—25% афинского гражданского населения.

³⁷ Finley, ук. соч., стр. 81 сл.: современная ипотека связана с куплей недвижимого имущества (оно заложено за неоплаченную часть цены или для финансирования строительства и улучшений). В Греции же подобные операции носили качественно иной характер, обусловленный глубоко отличными от современных экономическими отношениями города-государства. В Греции недвижимость обычно продавалась за полную цену. Нет гарантийных займов и для целей строительства или улучшений. Примеры займов для производственных целей: Хен, *Memorab.*, 2, 7, 2—12; Дем., XI, 52.

Финли (стр. 284 сл., прим. 22 к V главе) вслед за Виламовицем возражает Гомму, который полагал, что безземельные — это синоним фетов (а их число в возрасте от 18 до 59 лет³⁸ он определял как 11000), и считает, что и среди владевших землей многие были недостаточно богаты, чтобы оснастить себя оружием, и попадали в число фетов³⁹. Финли полагает, что в V—IV вв. скорее всего $\frac{3}{4}$ граждан владели обрабатываемой землей с дополнительным имуществом или без него (стр. 58). Правильно отмечая недостаточность наших сведений об экономической эволюции земельной собственности в Аттике (стр. 62 сл.), Финли, по нашему мнению, неправомерно ставит знак равенства между V и IV вв. и отрицает какие бы то ни было серьезные экономические изменения в эллинистической Греции⁴⁰. Он отрывает, таким образом, политическую историю от экономической. Недооценивает Финли и падение удельного веса земельной собственности в экономической жизни Аттики IV в. до н. э., хотя он прав в том, что неразрывная связь: земля — гражданские права сохраняет формально свою силу. Вряд ли случайностью являются постоянно встречающиеся в речах ораторов упоминания о так называемом «невидимом» имуществе и о превращении *ὄσία φαυέρα* в *ὄσία ἀφανυς*⁴¹, что свидетельствует о развивавшейся тенденции к вложению средств в торгово-денежные и ростовщические операции. Правда, *ὄσία φαυέρα* не обязательно означает земельную собственность, а вообще всякое видимое, не поддающееся утайке имущество (например, скот, рабы). Но очень часто под *ὄσία φαυέρα* подразумевается именно недвижимое имущество, противопоставляемое наличным деньгам. Обычно такие заявления касательно противника в судебных речах имеют целью опорочить его в глазах судей как человека, стремящегося утаить свое состояние от государственных и общественных повинностей, но их распространенность свидетельствует тем не менее о наличии такой экономической тенденции. Доходы с земли были сравнительно устойчивы и почти не менялись, между тем как наличные деньги можно было вложить или в доходное предприятие, или в процентные ссуды. Ослабление полисных связей, начиная с IV в., выражается в частности и в этом более легком отказе хотя бы от части земельных владений в пользу движимого имущества. Финли, отрицая качественные изменения в экономике полиса классического и эллинистического периода, игнорирует эволюцию, имевшую место в рамках рабовладельческой Греции, приведшую в конечном счете к ослаблению классической полисной системы. Вопреки недвусмысленным свидетельствам источников (Аристофан, Ксенофонт, Исократ, Демосфен), он фактически отрицает обострение социальных контрастов в Аттике IV в. и бездоказательно утверждает, что основной тенденцией было колебание богатства вокруг одного постоянного уровня. Таким образом, затушевываются острые противоречия, раздиравшие афинский полис и все более ослаблявшие его.

В работе Финли специально рассматривается вопрос о различных кредиторах в закладных операциях. Так, афинское государство, постоянно выступающее в роли кредитора, обычно не прибегало к земельной гарантии. При несостоятельности государственного должника все его имущество подвергалось конфискации и продавалось с аукциона. У государства не было достаточного административного аппарата, чтобы принимать недвижимость в качестве гарантии. Формой гарантии для афинского госу-

³⁸ См. U. v. Wilamowitz, *Aristoteles und Athen*, II, стр. 226—230; A. W. Gomme, *The population of Athens in the fifth and fourth century*, Oxf., 1933, стр. 27. Гомм выдвигает аргументом против цифры Дионисия большое количество клеругов, возвратившихся в Афины к этому времени.

³⁹ Военная служба и в сухопутной армии и во флоте в Афинах IV в. была очень обременительной в материальном отношении, см. A. H. M. Jones, *The Athens of Demosthenes*, Camb., 1952, стр. 12 слл.

⁴⁰ Finley (ук. соч., стр. VIII—IX) отрицает качественные различия между экономической полисов классического и эллинистического периодов. Экономика, по его мнению, мало затронута политической борьбой и войнами. Основные пути экономической жизни не менялись в 500—200 гг. до н. э.

⁴¹ Например, I s., VII, 39 сл.; XI, 48; L y s., XIX, 45 слл.; XX, 23.

дарства, выступавшего в роли кредитора, было личное поручительство (ἐγγύτης). Любопытно, что при продаже конфискованного имущества из вырученной суммы раньше удовлетворялись частные кредиторы, а затем уже государство⁴².

Финли рассматривает возможности использования одной и той же собственности для гарантии двух или более долгов, с предусмотренным приоритетом в претензиях кредиторов (стр. 111 сл.). Он полагает, что при согласии сторон можно было ограничивать гарантию суммой долга. Тогда у владельца сохранялись все права, в том числе и право дальнейшего залога того же имущества сверх этой суммы. Это стало возможно с развитием аротіσημα (см. horoi № 146—147, Финли, стр. 160), а для hypothēke такая практика не была засвидетельствована вплоть до опубликования отчета полетов за 367—366 гг. («Hesperia», X, 1941). Но все же, по мнению Финли (стр. 113), такие случаи были редкими, а обычно превалировала концепция замещения (substitution), исключавшая использование заложенного имущества для гарантии второго или третьего долга с преимущественным правом первого кредитора.

В качестве кредиторов часто выступают афинские демы, филы, культовые общины и другие группы. Как правило, они ищут гарантии в личном поручительстве⁴³. Но иногда и в этих случаях при денежных ссудах или сдаче в аренду земельных участков требовались имущественные гарантии⁴⁴. Интерес представляют займы сообществ эрагистериев и егапос — займы, также иногда гарантируемые⁴⁵.

Кроме залога земли и домов, иногда в horoi упоминается залог эргастериев с рабами или без них⁴⁶.

Финли (стр. 65 сл.) обратил внимание на то, что эргастерий в литературных источниках не обозначает обязательно отдельного здания, предназначенного для производства. Это может быть просто группа рабов, сосредоточенных в одном месте с целью производства. Очень редко эргастерий — особое здание. Этот момент важен для промышленной деятельности неграждан, которые не имели права владеть недвижимостью.

⁴² Finley, ук. соч., стр. 94. В отчете полетов за 367/6 г. («Hesperia», 1941) при продаже имущества святоотца удовлетворяются претензии кредиторов. См. Fine, ук. соч., стр. 152—153; Finley, ук. соч., стр. 36, 111 сл.

⁴³ IG, II², 1168, 1172, 1590, 2495, 2496; см. Finley, ук. соч., стр. 76, 92 сл.; Fine, ук. соч., стр. 33 (horos № 18), 90, прим. 108.

⁴⁴ Например, IG, II², 1183, стк. 27—32; ср. IG, II², 2670; horos № 23 у Файна (ук. соч., стр. 11—12). Ср. Finley, ук. соч., стр. 95 сл.

⁴⁵ IG, II², 2701; см. Fine, ук. соч., стр. 155 и прим. 23; стр. 17 сл. (horos № 28); 37; Finley, ук. соч., стр. 78, 100 сл. Слово егапос имеет три значения: дружественный обед (пикник), дружественный заем, или группа, сделавшая его, и нечто вроде клуба. Финли считает, что егапос, упоминаемые в horoi, — это дружественные займы. Этот вопрос заслуживает особого рассмотрения.

⁴⁶ Например, IG, II², 2744 (Fine, ук. соч., стр. 158); Dem., XXXVII, 4—5 (Fine, ук. соч., стр. 146 сл.); horos № 32 по Файну (ук. соч., стр. 24); Dem., XXVII, 9; XXVIII, 12. Finley, ук. соч., стр. 72—73: рабы упоминаются в трех horoi (№ 89—90) в связи с эргастериями. В пяти horoi упоминаются эргастерии без рабов. Обычно на horoi рабы не появляются в связи с земельной собственностью. Отсюда Финли заключает, что рабы не играли большой роли в сельскохозяйственном производстве Аттики. Однако сам же он в примечании 124 к главе V (стр. 262) упоминает о закладе сада (огорода) и рабов (horos № 178 = IG, II², 2751: ἀρος κήπου καὶ ἀνδραπόδων), уклоняясь от толкования этого текста. Сравнительную редкость залога рабов Финли правильно объясняет тем, что лишь в случае крайней нужды владелец отдавал рабов, занятых в производстве, ибо это ослабляло его экономические позиции и его способность выплатить долг. Но в таком случае на основании horoi не представляется возможным судить о роли рабов в сельском хозяйстве.

Поскольку в других имеющих у нас свидетельствах о поместьях афинян V—IV вв. почти всегда фигурируют рабы, вывод представляется сомнительным. Вопрос о роли рабов в сельском хозяйстве Аттики нуждается в специальном изучении.

Эргастерий не обязательно ремесленное предприятие, это может быть и торговое помещение. Финли обращает внимание, что греческие авторы (Аристотель, Эсхин) при перечислении различных форм богатства не упоминают эргастерий (стр. 66 и стр. 256, прим. 81). По-видимому, это подразумевается, когда говорится о рабах или деньгах. Эти наблюдения Финли очень важны и требуют большей осторожности в выводах на основании текстов, где упоминаются эргастерии.

Надписи — *hoiai* позволили поднять ряд важных вопросов экономической жизни Афинского государства. Многие из этих вопросов, к сожалению, слишком плохо освещены в источниках, чтобы получить удовлетворительное разрешение.

Значение работ Файна и Финли в том, что они обобщили и систематизировали большой эпиграфический материал, сопоставили его с литературными источниками, привлекли внимание к ряду важнейших аспектов экономической истории древних Афин, в частности, связанных с отношениями гарантированного кредита. Оба автора свободны от модернизации античной экономики и постоянно подчеркивают ее специфику. Спорность ряда высказанных в рассматриваемых работах положений не умаляет их несомненной научной значимости.

Сосредоточив свое внимание на роли земельной собственности в кредитных отношениях, Файн и Финли, естественно, не могли рассмотреть аттическое землевладение во всей его многосторонности. Ряд важнейших проблем аграрной истории Аттики, в частности вопрос об эволюции земельной собственности в V и IV вв., о ее размерах и значении в экономической жизни Афинского государства еще не получил должного освещения в свете всей совокупности известных сейчас источников и требует дальнейшего углубленного исследования.

Л. М. Глушкина